

Во времена незапамятные, в тридесATOM ВУЗЕ, на тридевятом факультете учились-обучались, ума-разума набирались, добры молодцы: Андрюша Протонович, Витюша Електронец, да Шурик свет Ионович. Первые два – серьезные люди, в очках, в пиджаках и во всём остальном прикиде ученом. Учились – на загляденье декану и родителям на радость. А третий – балабол в спортивном трико: то пиво пьет, то на самодеятельности матерные частушки норовит исполнить. Правда, зачеты сдавал исправно, и экзамены тоже, хотя, в основном Удачно (Удовлетворительно).

Так проучились они год, через две сессии, как через горы крутые, перебрались. А окромя этого, горя большого не знали. Но грянула вдруг беда неминучая. Правитель вузовский, Эрэф Сэлээфович*, приказ издал: отослать добрых молодцов факультетских в *тридцать три и тридесатую* глушь деревенскую на подмогу куму своему – *председателю колхозному* Доремидонту Горынычу Непросыхайло. А помочь деревне надо было в достройке светлого будущего, которая в основном заключалась в уборке недоворованного колхозниками картофеля. Потужили добры молодцы, да решили: «Что не делается, – все к лучшему, если ничего не делается».

Надеялись они, романтики городские, на сеновалах отлежаться, или меж борозд затаиться. Но не тут-то было! Председатель Доремидонт Горыныч быстро их в оборот взял. С первыми лучом солнышка поднимал, да на мерзлые борозды выгонял. А уж как сам утомился воевать с лентями заезжими, так бригадира Ивашку Лютого, верного пса своего, на них натравил. Инда до глубокого полдня заставлял работать лиходей Ивашка.

Истомились добры молодцы. И говорит как-то после напряженного трудового дня Витюшка (с самими толстыми линзами в очках – большоу ума хлопец):

– Что же, братцы, али мы не студенты честные, али мы сессий не сдавали? Чего спину гнем на треклятого Доремидонта без отдыха? А не пойти ли нам, соколики, по лавкам купеческим, а не взять ли бражки доброй, а не проведать ли местных красных девушек да добрых молодыхек?

---

* РФ СЛФ (ЭР ЭФ СЭЭЛЭФ) - РадиоФак - Самый Лучший Факультет (народный университетский фольклор)

И отвечает ему свет-Андрюшка:

– Ой, ты гей оси (то есть гой еси), добрый молодец! Совсем у тебя, очкарика, крыша набекрень от переутомления! Нас же Ивашка Лютый со товарищи у первой даже еще не очень красной девушки поймает и отметелит! Его, ирода, даже нашими толстыми линзами не испугаешь!

Возражает предыдущему оратору Шурик свет Ионович:

– А пойдем-то мы, братцы, на это дело ночкой темною, да наденем телогрейки маскировочные с сапогами-кирзачами-скоробегами. А и говорить-то будем по-местному, по-матерному. Нипочем не узнает нас Ивашка, а узнает – так не догонит, а догонит – так телогрейки не прошибет, а прошибет – так до смерти не убьет! Потому как – кто ж ему будет тогда председательские планы выполнять?

Порешили тогда добры молодцы: «Так тому и быть, чего не миновать!».

Вечеру, как стемнело, заходят они в избушку с дорическими колоннами (Дом культуры называется). Слышат – песни там звучат, озорные да веселые. Стоят вдоль стен девушки красные (не по партийной принадлежности, а из-за духоты в избушке). Стоят, платочки в руках тербят. Увидели девушки добрых молодцев, разволновались, покраснелись (хотя дальше уж некуда, и так, как флаги на сельсовете). Подошли к ним богатыри интеллектуальные, разговор приветный завели.

Слово за слово (фэйсом по столу), ручка за ручку (иногда и за другое что), танец за танцем – полное единение и слияние города с деревней. Особенно приглянулась фанфаронам городским красавица Дуняша, размеров неопикуемых, необъятных (а если и объятных, то минимум – вдвоем). Ходят хлопцы вокруг нее – кто Гоголем, кто Чеховым, а Шурик кудреватый – стихами заговорил, Пушкиным обернулся. Расслабились ребята, забыли про конспирацию.

Тут и нагрянули опричники колхозные – Ивашка Лютый со товарищами-трактористами. Взяли интеллектуалов наших под белы тонки рученьки, вывели из избы в ноченьку темную, да и давай прикладывать по немогутным спинушкам (и пониже). А потом и на расправу к председателю потащили, приговаривая: «Что же вы, невежи городские, в наш монастырь да со своими мелкими уставами залезли? Как же вы посмели на председателю дочь Дуняшу зенки свои близорукие лупить, да ручонками наше колхозное достояние хапать?»

Долго думал председатель Доремидонт Горыныч о том, какую ему кару учинить очкарикам-образованщинам. И план надо выполнять, и спуску наглцам нельзя давать. А когда придумал, такое слово молвил: «Потому как вы опозорили дочь мою родную, единственную, стихами непонятными, да танцами неприличными перед обществом, то должен кто-нибудь из вас на ней жениться немедленно. Оправдать проступок свой честной свадьбой, да трудом на благо колхоза нашего!»

Отлегло у молодцев, уж очень им красота Дуняшина по сердцу пришла, приглянулась душа ее широкая (и еще много чего). Вопросают братья по разуму: «Кому ж ты, батюшка, сокровище свое из нас отдашь?» Отвечает он им: «А тому отдам, кто колхозного дикого мерина оседлает, да на нем по чистому (от картошки) полю быстрее других проскачет! Да осторожней с ним обращайтесь, нрава он крутого. Я его, зверюгу, со своего собственного детства помню. Сразу после финской войны он в наш колхоз демобилизовался!».

На следующий день выводят на колхозный двор (под кривые ноги) грозного председательского коня. Как глянули на него добры молодцы, так их оторопь взяла. Страшен мерин, как ядерная зима!

Подошел к скакуну первым Андрюша – очкастый богатырь. Положил руки белые на спину коню – задрожали ноги у коня (щекотно стало). Оперся Андрюша на скакуна, оттолкнулся обеими ноженьками от грешной земли, да с прыжка коленками в бок мерину и заехал. Не допрыг-

нул до спины свет Андрюша. Затрещали ребра конские, захрипел конь, зашатался, всполошился председатель: «Оттащите супостата этого, да отправьте его на очистку хлева коровьего!»

Подступил тут к мерину второй силач городской, Витюша. Подступил с умом, да с маленькой скамеечкой. Влез аккуратно на коня и сидит, довольный придумкой своей. Посидел немного и давай искать, где у мерина управление расположено. Где, понимаешь, газ, где сцепление, где тормоз? И гриву всю переворошил, и хвост перешерстил, даже на всякий случай и под хвостом посмотрел. Ничего не нашел. Конь стоит, как вкопанный, только глазом этак дико на Витюшу косит. Председатель терпел-терпел, да как приложит мерину ладошкой (чуть поменьше совковой лопаты)! Ноги у того и подогнулись, Витюша в соседнюю лужу приземлился. Обошлось, правда, без увечий, если моральный урон не считать.

Настал черед Шурика зверя колхозного укрощать. А и приглянулся тот Шурик Дуняше обхождением своим ласковым, да стихами благозвучными (хотя и непонятными). И шепнула она ему загодя слово заветное, на зверя безотказно действующее. Взлетел Шурик соколом на мерина и вымолвил внятно: «Н-но, зараза!»

И встрепенулся конь под богатырем, и пошел поступью уверенной в поле чистое, ботвой картофельной устеленное. А там и на легкую рысь перешел. Обрадовался председатель, расцвела Дуняша, как куст смородины (обширный такой куст, раскидистый). Зашумел честной народ в ожидании пира веселого.

Скоро сказка сказывается, да не скоро Шурик в колхоз возвращается. Позабыла ему красавица второе заветное слово молвить. А как ему, бедолаге, коня на скаку остановить? До Бога высоко, до Дуняши далеко, а простое слово деревенское «Тпру!» ему не ведомо было...

Не вернулся мил-другок, ясный сокол, пред ясные Дуняшины очи. Сгинул в дебрях городских, в топях зачетных, в непогодах экзаменационных, только его и видели (на сессиях, да в пивбаре).

Мерина того потом встречали люди в лесу, одичалого, будто бы даже с зайцем в зубах. А может, это просто кора березовая была. А два оставшихся молочных брата хлевами, огородами, тропинками окольными, электричками пригородными припетаяли в родные общаговские землянки.

Председатель Доремидонт от такого горя почернел, как лежалый навоз. Ведь чтобы позор прикрыть, пришлось ему свою Дуняшу за немилостивого (неперспективного) Ивашку Лютого отдавать. Родила Ивашке Дуняша трех богатырей, да видно несчастная любовь на детях сказалась. Двое – близорукие родились, а третий, постреленок, в колыбельке матерные частушки пел. Первый-второй подросли – в город подались, в тот самый ВУЗ, из которого дроздочка Шурик в колхоз приезжал. А третий, кудряш, на «Радио-Шансон» ди-джемем заделался.

Колхоз уже развалился давно, вместо него заезжий барыга фермерское хозяйство «Путь к капитализму» завёл. Но с тех давних пор, как народ гутарит, бродит ночами по окрестностям деревенским *Черный Председатель*. Ищет сбежавших женихов. А если встретит кого в очках с «печатью интеллекта на челе» – с собой в черные хлева тащит, на забаву дочке своей окаянной.

Немало, бают, с той поры очкастых молодцев там сгнуло.

Зареклись добры молодцы из тридесятого ВУЗА в тех краях бывать, дабы не попасть в лапы к *Черному Председателю*. И всем братьям-эрэфсэлээфовцам наказали, чтобы повесть эта печальная передавалась от курса к курсу – первокурсникам наивным – в поучение, а старшекурсникам бывалым – в назидание. Тут и сказке конец, а кто не слушал – туда ему и дорога.